

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть I

Дочери Николая I, или У семи нянек дитя без глазу

Из записок Николая I	10
Из духовного завещания Николая I	12
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»	13
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»	15
Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет	21
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»	22
Окулова Анна Алексеевна	60

Часть II

Великая княжна Мария Александровна

и Анна Тютчева, или Политика воспитания

Из воспоминаний Анны Тютчевой	70
Из дневника Анны Тютчевой	106
Из воспоминаний Анны Тютчевой	141

Часть III

Дочери Николая II и Маргарет Игер.

Идиллия в детской и катастрофа в стране

Из воспоминаний Анны Вырубовой, дочери главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Сергеевича Танеева, фрейлины Александры Федоровны	150
Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича	154
<i>Маргарет Игер</i> . Шесть лет при российском дворе	157
Из дневника Александры Викторовны Богданович — жены генерала от инфантерии писателя Евгения Васильевича Богдановича	293
Литература	295
Примечания	296

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть принцессой — это работа, чем-то похожая на работу актрисы или манекенщицы. Нужно уметь носить очень красивые и дорогие, и одновременно очень неудобные платья, в которых нельзя бегать, прыгать и играть в свое удовольствие. Нужно быть очень элегантной и грациозной и все время улыбаться. Нужно всем говорить любезности и никому не верить.

Нужно выйти замуж за малознамого человека, уехать с ним в чужую страну и молиться о том, что твои родители не ошиблись с выбором, что твой муж не окажется садистом или извращенцем и, наконец, что ты быстро родишь нужное количество детей нужного пола. Нужно помогать мужу в его государственных трудах, при этом ни в коем случае не показывая, что ты влияешь на политику, иначе тебя возненавидят. Нужно знать, кого можно и нужно вовремя осадить, а с кем ссориться ни в коем случае нельзя. Нужно защищать интересы своей родины, но так, чтобы этого никто не понял, иначе тебя назовут предательницей на твоей новой родине. И наконец, нужно не забывать о своих интересах, потому что больше о них не позаботится никто.

На эту работу не нанимают. Принцессы не подписывают контракта, и никто не обещает им вознаграждения. Они просто рождаются вместе со своими обязанностями, и не в их власти отказаться.

И наконец, если сапожники учатся у сапожников, доктора — у докторов, ученые — у ученых, то принцессы учат простыне смертные: бонны, гувернантки, педагоги. Как правило, у них есть свое представление о том, как должна вести себя настоящая принцесса, чего ждут от нее ее родители и страна, и их мало волнует, чего хочет сама их

воспитанница. Они приходят во дворец, преследуя свои цели, желая влияния, славы или денег, и желания их маленькой ученицы волнуют их не больше, чем резчика волнуют желания дерева.

Но все же, если у гувернантки доброе сердце и открытая душа, она может подружиться со своей воспитанницей. Иногда эта дружба может продолжаться всю жизнь, и старая гувернантка будет нянчить детей своей бывшей ученицы. Но бывает и по-другому. Времена меняются, меняются интересы и цели, старые, казалось бы, нерушимые дружбы разрываются, и остается только вспоминать прошлое и писать мемуары.

Но, по правде говоря, гувернантки редко писали мемуары. Может, потому, что во всякой семье неизбежно есть свои маленькие некрасивые тайны, о которых не очень хочется рассказывать, особенно если это семья венценосная. А может, потому, что гувернантки не привыкли задумываться о себе, о своем месте при дворе. Поэтому эта книга будет не совсем обычной. В первой части воспитанница расскажет о своих педагогах, во второй мы узнаем историю дочери поэта, которая стала придворной дамой, из придворной дамы — гувернанткой, а из гувернантки — политиком. И наконец, в третьей нас ждут мемуары воспитательницы последних русских принцесс. Приятного чтения.

Быть гувернанткой – непростая, но очень важная миссия.

*«Воспитание – это то, что остается,
когда все остальное потеряно».*
(Надин де Ротшильд)

Часть I

Дочери Николая I, или У семи нянек дитя без глазу

Быть воспитательницей царских детей — ответственная работа. Особенно когда император такой строгий, каким был Николай I. Сначала в семье родился наследник, великий князь Александр. Для него был сформирован целый штат нянек, в главе которого стояла директриса Смольного института Юлия Федоровна Адлерберг.

Урожденная Анна Шарлотта Юлиана Багговут, она происходила из Багговутов — дворянского рода выходцев из Норвегии. Родилась Юлия в Ревеле 15 (26) октября 1760 года. Она уже была вдовой полковника Густава-Фридриха (Федора Яковлевича) Адлерберга, когда в 1797 году Мария Федоровна и Павел пригласили ее воспитывать своих младших сыновей Николая и Михаила. Юлия Федоровна подчинялась назначенной еще Екатериной II Шарлотте Карловне Ливен.

Шарлотту Карловну Николай очень уважал и вспоминал о ней как о женщине, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили». При дворе о Шарлотте Карловне рассказывали легенды: говорили, что когда Екатерина пригласила ее для воспитания своих пяти внучек, то Шарлотта Карловна без обиняков высказала ей, что она согласна взяться за эту работу только при том условии, если сможет удержать детей подальше от распущенных нравов двора, и грозная императрица должна была подчиниться скромной провинциалке, вдове лифляндского офицера.

Юлия Федоровна отвечала лично за здоровье Николая, а потом и за здоровье Михаила. Она, как и Шарлотта Ливен, была по-немецки дотошна и рассудительна. Впро-

чем, не обошлось и без недоброжелателей. Один из них пишет: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне».

Из записок Николая I

Вскоре после кончины императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг. Во время коронавания государя и путешествий, как предшествующего, так и последующего, сестра моя Анна и я, так как были слишком малы, чтобы сопутствовать государю, были оставлены в Петербурге, под присмотром обершенка Загрязского. Одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов.

Одновременно с нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлерберг, сыну Панаева и еще нескольким детям. Это происходило в Зимнем дворце; некоторое время спустя, ввиду того, что в то время переезжали в Павловск, мы были отделены от прочих и помещены с сестрою в доме Плещеева. Михаил, родившийся 28 января 1798 года, находился в то время сперва в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе...

В это время я познакомился с детьми госпожи Адлерберг: дочь ее, Юлия, была восемью годами старше меня, а сыну ее, Эдуарду, было тогда пять лет. Я шел по Зимнему дворцу к моей матушке и там увидел маленького мальчика, поднимавшегося по лестнице на антресоли, которые вели из библиотеки. Мне хотелось с ним поиграть, но

меня заставили продолжать путь; в слезах пришел я пришел к матушке, которая пожелала узнать причину моего плача; приводят маленького Эдуарда, и наша 25-летняя дружба зародилась в это время. Сестра моя в то же время нашла в лице Юлии подругу, которая, 25 лет спустя, должна была сделаться гувернанткой моей старшей дочери.

Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех няnek или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, — позднее они оставались лишь в течение дня — ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной.

Когда нас возили на прогулку в экипаже, что при жизни императрицы никогда не случалось без предварительного разрешения самой императрицы, после же ее смерти — с дозволения графини Ливен, то мы обыкновенно выезжали в полдень, моя сестра со мною вместе; впоследствии сестра выезжала одна, а Михаил и я катались вдвоем.

То были позолоченные шестиместные кареты, которым предшествовали два гвардейских гусара, позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея — сзади за каретой. В праздничные дни карета была в семь стекол, то есть вся прозрачная, кроме спинки. Две англичанки с детьми на коленях занимали заднее сиденье, две дежурные дамы помещались против них. Когда госпожа Адлерберг была

приставлена ко мне, то преимущественно она со мною выезжала, и с нею дежурная дама.

Ничто не делалось без разрешения графини Ливен, которая часто нас навещала. Обедали мы, будучи совсем маленькими, каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедал вместе с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска.

Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрывки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, что ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи...

Нас часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор Голлидей, который нам привил оспу.

Из духовного завещания Николая I

С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь.

12 (24) апреля 1802 года Юлия Федоровна получила должность начальницы Смольного института благородных девиц.

В 1818 году 58-летнюю Юлию Федоровну пригласили для воспитания наследника — Александра Николаевича, старшего сына Николая Павловича, тогда еще великого князя. Ее первой помощницей стала ее дочь, жена небогатого дворянина Трофима Осиповича Баранова — Юлия Федоровна Баранова. Юлия Федоровна — младшая была матерью четырех детей и отличалась мягким и добрым нравом.

За младенцами царской семьи ухаживали надзирательница Н. В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки — А. А. Кристи, Е. И. Кристи и М. В. Касовская.

Юлия Федоровна — старшая в 1824 году была пожалована в статс-дамы, получила орден Святой Екатерины 2-й степени, а затем 1-й степени. Она умерла 20 сентября (2 октября) 1839 года в Санкт-Петербурге и была похоронена на Волковом лютеранском кладбище. После ее кончины Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило».

А Юлия Федоровна — младшая стала, как уже было сказано выше, воспитательницей маленького Александра и старшей дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»¹

Если Мэри плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни об-

Портрет Николая I.
Художник – Франц Крюгер. 1852 г.

Николай I Павлович (1796–1855) –
император Всероссийский с 14 (26) декабря 1825 года.

*«Лучшая теория права – добрая нравственность,
и она должна быть в сердце независимо от этих
отвлеченностей и иметь своим основанием религию».*

(Николай I)

ременная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием. Слишком хорошенькая, слишком остроумная, чтобы вызывать неудовольствие своих учителей, она могла бы, если бы с ней правильно обращались, преодолеть все препятствия и быстро наверстать потерянное. Сесиль Фредерикс часто говорила ей: «Мэри, что могло бы из вас получиться, если бы вы только хотели!».

* * *

В ноябре Папá привез из Берлина домой Мама́ с Мэри. Мэри получила по возвращении свою собственную квартиру, покинула наш флигель и переехала поблизости к Саше. В Берлине с ней обращались как со взрослой ввиду того, что там принцессы в пятнадцать лет, после конфирмации, переходят из рук воспитательниц в руки придворных дам. Мадам Баранова получила орден Св. Екатерины, и Матвей Виельгорский был назначен шталмейстером ввиду приемов и представлений, в которых Мэри должна была принимать участие. Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папá сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельно-

стью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могущая стать необыкновенно мягкой, безрассудно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мамá. Сама еще молодая, она радовалась успеху дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри, которая объявила, что никогда не покинет Отечества. За кого же она выйдет замуж?

Не повезло с гувернанткой и младшей дочери Николая — Александре.

ИЗ МЕМУАРОВ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ «СОН ЮНОСТИ»

В то время как Саша отсутствовал, а Мэри была всецело поглощена своим женихом, я снова сблизилась с Адини, которая постепенно превращалась в подростка. Прелестная девочка, беспечная как жаворонок, распространявшая вокруг себя только радость. Ранняя смерть — это привилегия избранных натур. Я вижу Адини не иначе как всю окутанную солнцем.

Совсем еще маленьким ребенком она привлекала к себе прелестью своей болтовни. Она обладала богатой фантазией и прекрасно представляла не только людей, но даже исторические персонажи, словно переселяясь в них. В одиннадцать лет она могла вести за столом разговор, сидя рядом с кем-нибудь незнакомым, как взрослая, и не казаться преждевременно развитой: ее грациозная прелесть и хитрая мордочка говорили за себя. Все в доме любили ее, дети придворных ее возраста просто обожали. Я уже упомянула, что у нее было прекрасное сопрано. Придворные дамы, понимавшие толк в пении, время от времени занимались с ней, отчего она даже была в состоянии, если и не без сердцебиения, петь дуэты со старым певцом Юлиани. Он преподавал пение в Театральном училище, и

